

ДМИТРИЙ ЩЕГЛОВ

ЛЮБОВЬ И МАСКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ЩЗЗ

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Биографии выдающихся людей»

Оформление — Александр Шпаков

Фотография Л.П. Орловой предоставлена
ФГУП МИА «Россия сегодня»

Щеглов, Д.А.

ЩЗЗ Любовь и маска : [роман] / Дмитрий Алексеевич Щеглов. — Москва :
Издательство АСТ, 2027. — 368 с. — (Биографии выдающихся людей).

ISBN 978-5-17-192686-1

Любовь Петровна Орлова — первая великая советская кинозвезда, народная артистка СССР, ставшая истинным символом эпохи 1930–1940-х годов. Потомственная дворянка, неувядаемая красавица и эталон моды — она обладала редким сочетанием драматического дарования, сильного вокала, мастерства танца и готовности выполнять сложные акробатические трюки на съёмочной площадке. Её песни из музыкальных комедий пела вся страна, а кинокартины стали киноклассикой на все времена. Во время Великой Отечественной войны актриса выступала с концертами перед бойцами практически на всех фронтах, снималась в «Боевых киносборниках».

Но что таилось за ослепительной улыбкой любимицы Сталина, чем пришлось ей заплатить за свой успех, чем пожертвовать? Мы приподнимем вуаль тайны над звёздной жизнью актрисы...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-192686-1

© Д.А. Щеглов, наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2027

Позднее, в постановках «моралите», посредством масок оформляются символические или фантастические карикатурные персонажи (например, Фортуна, маска которой с одной стороны имеет веселое выражение, а с другой — мрачное).

Р.Д. Раугул. Грим

В третьем действии я на двадцать лет старше. В том возрасте, когда жалеть не о чем. Воспоминания. Весь секрет жизни в том, чтобы вовремя подготовить хорошие воспоминания.

Аурел Баранга. Травести (Маска)

Он звезды сводит с небосклона,
Он свистнет — задрожит луна;
Но против времени закона
Его наука не сильна.

А.С. Пушкин. Руслан и Людмила

Глава первая

Датами ее рождения и смерти время от времени происходила какая-то путаница. Справочники и словари настаивали на двадцать третьем февраля, родственники вспоминали, что Любовь Петровну хоронили в январе — да, конечно, двадцать девятого, это совпало с днем ее рождения. «Там вообще многое сошлось», — уверяли родственники.

Простое сопоставление цифр говорило о разнице между старым и новым стилем. Все СВОИ даты Орлова отмечала по-старому. Сказывалась приверженность к ритуалам и обрядам, сопутствующим человеческим отношениям, приверженность форме...

Бесформенные домишки заснеженного посёлка мелькнули в лобовом стекле уазика; впереди была лесная дорога со свежей лыжней и приближавшимся лыжником. Тоже бесформенным.

— Я потом расскажу вам одну историю, — сказала Голикова. — Она довольно забавна. Как Любочка впервые при-

везла своих родителей в советский дом отдыха, кажется, в начале тридцатых. Боже! Что из этого вышло!

Внучатая племянница Любви Орловой, Нонна Голикова, произнесла всё это тоном женщины, которая по недоразумению попала в промёрзший уазик, мчавший ее вместе с радиогруппой к посёлку «Весёлых ребят».

Недоразумения преследовали ее с самого начала; сплошным недоразумением могла оказаться для нее — автора и ведущей передачи об Орловой — и эта запись.

Машина свернула на узкую поселковую улицу. В доме Сурковых горел свет, это казалось странным; навстречу, деликатно маневрируя, катил «BMW» какого-то дипломата; студийный уазик выглядел на этих тихих, безлюдных улицах затрёпанным чужаком, оборванцем. Там, где живут состоятельные люди, обычно всегда тихо. Особенно зимой.

Раневская часто бывала здесь, но всегда летом. Она согласилась записаться в передаче об Орловой — тут уж без недоразумений обойтись было невозможно.

Во время записи Фаина Георгиевна произнесла какую-то фразу, в которой прозвучало слово «феномён»: «Любовь Петровна, ее феномён...»

Запись остановили.

— В чём дело? — чуть заикаясь и пуча глаза, спросила Раневская.

Обмирая, стараясь спасти ситуацию, Голикова сказала:

— Знаете, Фаина Георгиевна, они тут говорят, что надо произносить не феномён, а фенóмен, такое современное ударение...

— А... Деточка, включайте.

Запись пошла.

Отчётливо и уверенно Раневская произнесла:

— Феномён, феномён, и еще раз феномён! А кому нужен феномен, пусть идет в жопу!!

Потом вся студия сбегалась слушать этот «феномён», грохотавший на всех этажах здания на улице Качалова.

«Феномён» Рины Зелёной выразился иначе.

Зелёная говорила:

— Григорий Васильевич Александров был самым обаятельным человеком, которого мне приходилось когда-либо встречать. Знаете, эти его рассказы о поездках, о путешествиях, о том, как он был в гостях у Чаплина...

Ведущая (Голикова). С Любовью Петровной...

Зелёная. Ну да, с ней... Эти его рассказы, такие волнующие, живые — он был превосходный рассказчик, с таким юмором... Помню, мы снимались в «Весне», в Праге... По дороге на съёмку он попал в автокатастрофу...

Ведущая. Да, с Любовью Петровной...

Зелёная. С ней, конечно... Так вот, я так переживала. Он так мужественно руководил съёмками из больницы...

Ведущая. Рина Васильевна, Орлова в этот момент, кажется, снималась в гипсе...

Зелёная. Ну, да, да, конечно снималась, он виртуозно выстроил ей мизансцены, вообще — роль, он замечательно организовал весь съёмочный процесс. Должна вам сказать, что я никогда не думала...

После получаса этой борьбы ведущая отступилась. Зелёная безостановочно говорила еще полтора часа. Это был монолог страсти и ревности восьмидесятилетней женщины, по-прежнему влюбленной в своего кумира, вспоминавшей убогие детали: аромат пивного погребка в Праге, сорта пива, марку служебной машины, возившей их на съёмку, реплики Александрова, его шу-

точки, жесты, привычку, чуть растягивая слова, говорить о том, что...

Время шло, вывести Зелёную на Орлову казалось невозможным.

«И чего пришла со своей любовью, — в панике думала Нонна Юрьевна. — В передаче об Орловой не сказать о ней ни слова!..»

— Ну, что Орлова! — с телепатической внезапностью произнесла Зелёная. — Орлова была великая советская актриса, лауреат многих Сталинских премий... Вообще лицо у нее было довольно противное, пока за нее не взялся Григорий Васильевич, который, как никто, умел...

После этого Зелёная еще полчаса вспоминала любимого режиссёра.

Из всей этой радиомемуаристики удалось выжать не больше минуты эфирного времени.

Интервью с Саввиной было самым приемлемым и профессиональным.

— Сколько нужно? — спросила экс-журналистка.

— Пять минут.

Саввина говорила ровно пять минут. Всё, что она сказала, вошло в передачу. Джеймс Паттерсон — крохотный персонаж фильма «Цирк», — впоследствии служивший во флоте и ставший поэтом-маринистом, прочел стихи, посвященные Орловой. Обаятельный мулат, похожий сразу на нескольких чернокожих голливудских звезд, вспоминал, как Любочка лазила на пушку — в дождь, на стадионе — и проделывала там всё то, что вошло в фильм, погода действительно стояла ужасная, концерт нельзя было отменить.

Последний участник — предмет назойливых обожествлений Рины Васильевны Зелёной — находился теперь в трёх, нет, уже в двух минутах езды...

Бурно и нетерпеливо повалил снег. Там, в доме, уже горел свет и гуфкал этот ужасающий пёс терьерских кровей. «Съешь Машу (так звали Нонну Юрьевну в детстве — в семье было три Нонны), съешь ее», — просила пса нынешняя хозяйка дома. Возможно, это была шутка. Маша пугалась.

Снег валил. Радиогруппа, со всеми своими проводами, аппаратурой, шествовала за ней.

За неделю до записи она позвонила в дом, в котором всегда была именно «Машей» и куда прежде входила чуть ли не без стука.

— Нет, — сказали ей, — об этом не может быть речи. Григорий Васильевич очень плох, он никого не хочет видеть. — Дрессировщица терьера собиралась опустить трубку.

— Я устрою скандал... — Голикова запнулась, стараясь представить этот абсурдный, совершенно невозможный скандал.

На том конце провода знали, что скандалистка из нее получилась бы еще более неудачная, чем... чем... скажем... нет, она ничего не могла сказать.

Сказалось как-то за нее:

— Поймите, что передача об Орловой без Александрова — это непристойно!

Подействовало.

Через какое-то время договорились о деталях: очень недолго, точно в установленный час, все по минутам.

Не опоздали.

Где-то в укромном своем логове надрывался ужасный терьер.

— Проходите.

Неоновый призрак Любочки цирковой тенью мелькнул по запорошенному крыльцу: «тиги-тиги-дум...» Не прошло и двух лет, но уже чувствовалась другая рука, иная повадка. Проклятый пёс захлёбывался где-то неподалёку.

Человек умирает, и начинается охота за его тенью. Особенно если этот человек знаменитый. Человек, не желавший оставлять никаких теней, кроме спроецированных камерой на экран.

Охота за тенью превращает жизнь близких в перманентное выступление, в комментарии к сказанному, в какое-то бесконечное интервью с опровержениями и разоблачениями. Тень выцветает и совсем пропадает из виду.

— У нас есть еще время?

— Готовьтесь, я пойду к нему...

Уазик стоял у ворот, тщательно обнюхиваемый черным терьером, которому, наконец, дали вольную. Есть жизни, сами собой складывающиеся в романы и киносценарии. Самопишущиеся. Есть — знаки, отблески, источники света. Любочка... Есть персонажи и авторы.

— Только, пожалуйста, никакого искусствоведения.

— Да уж какое...

Разматывая клубок, обнаруживаешь поблескивающую пустоту, золотистые нити циркового костюма: бутфорский полет под купол, казавшийся частной вселенной, выстроенной знаменитой родственницей, где все на своих местах, где все и останется на этих местах: керамика Леже, фото с Чаплиным, Дугласом Фэрбенксом. И вдруг смерть Дугласа... Только не Фэрбенкса, а названного когда-то в его честь сына Александрова от первого брака — в просторечии Васи. Вася просто упал и умер. Так бывает. Сердце. Случилось это через год после смерти Любочки. Нет, Александрова это доконать уже не могло. К тому времени он существовал в несколько ином измерении.

Вплоть до его смерти Нонна (Маша) приходила в этот дом, когда хотела. Потом ключи отобрали. А потом вон тот, в кресле, который не узнает сейчас Машеньку, стал мужем той, отобравшей ключи. Такое тоже бывает.

Первое впечатление: он ничего не скажет, этот старик с мохнатыми бровями и бессмысленно-тревожным взглядом. Он вообще ничего не понимает и не поймет...

— Значит, так, я дала ему таблетку, она сейчас подействует. У вас всё готово?

— Да.

— Поймете, когда можете начинать.

Бывает видно, как из человека уходит жизнь. Вы бегае-те, вызваниваете неотложку, делаете искусственное дыха-ние, а жизнь все равно уходит, это видно.

Голикова стала свидетельницей обратного, но не менее жуткого процесса. Взгляд Александра теплел, фокусиро-вался, казалось, он возвращался из какого-то долгого ледя-ного странствия.

Произошла довольно абсурдная, довольно дикая и вполне душераздирающая сцена.

— Машенька, мне говорили, что вы должны прийти.

Голос его обретал привычные обертоны и ритмы.

— У вас есть только пять минут, — послышалось за спиной.

— Прежде всего, Григорий Васильевич, — не то ка-ким-то неуместно интимным, не то просто задушевым голосом начала Нонна Юрьевна, — прежде всего: день ва-шего знакомства с Любовью Петровной, как это произо-шло? Что теперь, спустя годы, вспоминается в первую оче-редь? Что, на ваш взгляд, было главным в характере Любо-ви Петровны?

Не слишком ли много вопросов сразу?

Где-то за стеной с ненужной значительностью кто-то прочистил горло.

Александров заговорил так, словно обилие вопросов явилось только подспорьем в его гладкой, раскатистой речи. Она состояла из давно обкатанных блоков, тихо всплывав-ших из сумеречных глубин сознания какими-то цветисто-

праздничными, диковинными рыбами, в существовании которых убеждаешься только после того, как они появляются на телеэкране, снятые океанологом-глубоководником.

Воспоминания всплывали, плёнка записывала, очередная таблетка с эликсиром жизни была наготове.

Всё шло как нельзя лучше.

— В ЦДРИ, на вечере памяти Любови Петровны, я сказал: «Мы прожили сорок два года, и это было сорок два года счастья». Зал аплодировал стоя... Я тоже стоял. Потом все куда-то ушли. Я не мог найти, спрашивал, но мне говорили, что сейчас будет просмотр фильма. Я не мог поверить! Да, это было в Доме кино. Можно уточнить. Вася знает, он был тогда с нами, спросите его...

— Одну минуту, выключите.

Еще одна таблетка полетела в старика, чтобы он мог выдать очередную порцию тщательно отредактированных воспоминаний.

Минут через пять взгляд его вновь помутнел, он остановился на полуслове, словно рассердившись на что-то, и всё было кончено.

— Я думала, будет тяжелее, — сказала хозяйка, провожая Нонну Юрьевну с группой. — Когда пойдёт передача, позвоните, пожалуйста.

Следы возле калитки заполнялись чёрной водой, снег шел, но было тепло.

— Я не понимаю... Как же он пережил смерть сына?

— Григорий Васильевич? А он ничего не переживал. Он ее не заметил. Как-то спросил: «А где Вася?» Я сказала, что Вася ушел в магазин. Он этим удовлетворился и больше ни о чем не спрашивал.

Мохнарылое чудовище со всех лап несло на них от дома, сберегая рык в плотно защёлкнутой пасти. Все оста-

новились. Терьер подскочил, тормозя, обдавая мокрым снегом, и, дружелюбно припадая бочёночным туловищем, закурился возле притихших гостей...

Снег завалил тропинку и подъезд возле ворот. Железные дворники на стекле честно отработывали свой простой. Дача Утёсова притворялась несуществующей из-за обилия снега и огромных запорошенных берез по всему участку.

Минуты этой зимней тишины в уснувшем поселке казались похожими на загробную жизнь в ее приемлемом или, по крайней мере, переносимом виде... Дуглас Григорьевич Александров — Вася всё шел в несуществующий магазин за несуществующими продуктами, — давнишний лыжник скользил к одинцовскому вокзалу.

...После того как передача прошла в эфире, пошли письма. Пачки писем, мешки писем — большей частью однообразно признательные, однообразно восторженные и однообразно искренние. Так было при жизни Орловой. После выхода любого из ее фильмов. Их посылали во Внуково и на Бронную Александрову, на «Мосфильм», в Театр Моссовета, просто в Моссовет, и даже так: «в Москву — Орловой». Все они доходили.

В каком-то почтовом отделении я видел портрет актрисы, под которым восседала крашенная под Орлову дама — крайне расплывшаяся и нелюбезная, — но по всему чувствовалось, что с Любовью Петровной она себя до некоторой степени идентифицирует.

...Липецкое семейство в полном составе, включая двух пожилых уже сыновей, вспоминало, что двадцать пять лет назад видело ЕЕ на концерте: «...она была в красном платье и так по-доброму улыбалась».

Отставной майор сообщал, что как-то в молодости едва не покончил с собой — его жизнь спасла Орлова, — он увидел ее в «Весне» и отложил дело.

Писавшая из-под Новгорода старушка после обычных слов любви и признательности предлагала редакции за скромную плату приобрести ее личную коллекцию открыток с фотографиями актеров двадцатых годов. Сумма, кажется, была действительно вполне символической.

В потоке благодарственно-восхищенных писем попадались и «просительные»: «...Она так много сделала для нас после войны... Теперь у нас беда с внучкой... Нельзя ли прислать лекарств?» и т. д.

А еще была часть писем, адресованных самой Орловой — живой и здравствующей, Орловой — актрисе и депутату; кому-то она казалась бессмертной или ее смерть представлялась чем-то вроде циркового трюка с чечёткой на пушке и последующим полётом в бархатистые, игрушечные небеса.

Когда в один из этих «юбилейных» дней Нонна Голикова сняла трубку давно уже звеневшего телефона, с ней как-то очень просто и буднично заговорила «Любочка».

— Здравствуй, — сказала Любовь Петровна, — я так соскучилась, хочу тебе спеть...

Раздался какой-то треск, затем в глубине всплеснул рояль, и Орлова запела — звучно и сильно — «Широка страна моя родная...». Через несколько минут голос в трубке трансформировался в нечто среднее между «Любочкиной» звонкостью и чеканностью Левитана: «Сегодня исполнилось семьдесят пять лет со дня рождения народной артистки Советского Союза Любови Петровны Орловой! Прошу почтить ее память минутой молчания...»

В наступившей вослед тишине Нонна Юрьевна опустила трубку. Звонок из прошлого с поправкой на помутив-

шийся рассудок: эта преследовавшая Орлову и при жизни поклонница пыталась свидетельствовать, что душа актрисы окончательно поселилась в ее брэнном, то и дело заточаемом во всевозможные больницы теле. «Переселение» стало делом всей жизни этой несчастной женщины, музыкально одарённой, являвшейся, кроме того, первоклассным имитатором, правда, лишь одного голоса — голоса своего кумира.

Звонила она и пять лет спустя, после статьи Н. Голиковой, вышедшей к восьмидесятилетию Орловой, возможно, это был последний ее звонок.

Между тем статья эта явилась поводом к довольно любопытной встрече.

Владимир Николаевич Санеев в течение многих лет кропотливо и добросовестно прослеживал пути рода Орловых, к одной из ветвей которого принадлежал сам. В редакции газеты ему удалось получить телефон автора статьи Н. Голиковой, которая представляла для него интерес как еще одно звено в цепи славного рода, самой яркой фигурой которого в XX веке являлась Любовь Орлова. Ее биография, как водилось в советские времена, начиналась с залпа «Авроры», и ни минутой раньше. Между тем Санееву уже к тому времени, а это был 1982 год, удалось проследить некоторые забавные параллели и сближения, которые были неудобны для тогдашних биографов (впрочем, их было не так уж много) и попросту опасны (если иметь в виду более ранние времена) для самой актрисы.

Перспектива встречи с незнакомым человеком, хоть и представившимся потомком знаменитого Михаила Фёдоровича Орлова — дипломата и декабриста, поначалу не вызвала у Нонны Юрьевны большого энтузиазма. «Это он